

ПЛАНИРОВКА ЮЖНОЙ ЧАСТИ САДОВОГО КОЛЬЦА В 1935–1955 ГОДАХ ПО ГЕНПЛАНУ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ 1935 ГОДА

УДК 711.41.03(470-25)“19”

DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-198-226

С.Б. Ткаченко

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены этапы проектирования южной части Садового кольца Москвы в период его создания по Генеральному плану реконструкции Москвы 1935 года и развития планировочных и архитектурных идей в послевоенное время, вплоть до изменения направленности советского градостроительства, произошедшей в середине 1950-х годов. Проблемным полем исследования стал поиск новых архивных материалов, отражающих стратегию и тактику действий архитекторов и власти в сфере градостроительства. В статье показана взаимосвязь творчества зодчих, разрабатывающих варианты сценариев преобразования города как следствие принятия властными структурами управленческих градостроительных решений. В научный оборот вводятся неопубликованные проекты Садового кольца, Павелецкой, Добрынинской и Октябрьской площадей, выполненные под руководством А.В. Щусева, Л.М. Полякова, Г.А. Захарова, Г.Я. Вольфензона и др. архитекторов, руководителей больших коллективов.¹

Ключевые слова: Садовое кольцо, А.В. Щусев, Л.М. Поляков, Г.А. Захаров, Г.Я. Вольфензон, Павелецкая, Добрынинская, Октябрьская площадь

LAYOUT OF THE SOUTHERN PART OF THE GARDEN RING IN 1935–1955 ACCORDING TO THE GENERAL PLAN FOR THE RECONSTRUCTION OF MOSCOW IN 1935

S. Tkachenko

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the stages of designing the southern part of the Garden Ring of Moscow during its creation according to the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935 and the development of planning and architectural ideas in the post-war period, up to the change in the direction of Soviet urban planning that occurred in the mid-1950s. The problem field of research was the search for new archival materials that reflect the strategy and tactics of architects and authorities in the field of urban planning. The article shows the relationship between the creativity of architects who develop variants of scenarios for the transformation of the city as a result of the adoption of administrative urban planning decisions by the authorities. Unpublished projects of the Garden Ring, Paveletskaya, Dobryninskaya and Oktyabrskaya squares, carried out under the supervision of A.V. Shchusev, L.M. Polyakov, G.A. Zakharov, G.Ya. Wolfensohn and others – architects, managers of large teams, are introduced into scientific circulation.²

¹ **Для цитирования:** Ткаченко С.Б. Планировка южной части Садового кольца в 1935–1955 годах по генплану реконструкции Москвы 1935 года // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №1(54). – С. 198–226. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/13_tkachenko.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-198-226

² **For citation:** Tkachenko S. Layout of the Southern Part of the Garden Ring in 1935–1955 According to the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935. Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no. 1(54), pp. 198–226. Available at:
https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/13_tkachenko.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-198-226

Keywords: Garden Ring, A.V. Shchusev, L.M. Polyakov, G.A. Zakharov, G.Ya. Volfenzon, Paveletskaya, Dobryninskaya, Oktyabrskaya Square

Они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа

А. и Б. Стружацкие
«Трудно быть богом»

Зодчество обладает большой инерцией, поскольку действие градостроительных программ и проектов, направленных на многолетнюю реализацию и предназначенных для будущего, проявляется через 5–15 лет после возникновения предпосылок к изменению архитектурного курса в переломные ситуации. Временной фактор начала переломных ситуаций в градостроительстве и архитектуре всегда проявляет свою волевою природу: решения в сфере градостроительной политики и ее ориентацию определяют властные структуры.

Из идей и проектных предложений, представляемых профессионалами для принятия администрацией управленческих решений в градостроительстве, власть выбирает те, которые совпадают с намеченными ею сценариями социально-экономического развития общества. В качестве примера можно привести московское градостроительство. На каждом его периоде и этапе [1, С.345–348] выделялась группа профессионалов, обладающих «архитектурным слухом» [2, С.328], находивших проектные воплощения целей, поставленных администрацией. Власть, в свою очередь, наделяла этих профессионалов привилегиями, соответствовавшими историческим эпохам. Профессионалы, в меру своих возможностей и способностей, доводили поставленные властью задачи до реализации, действуя в режиме «взаимодействия и реагирования» со всеми участниками градостроительного процесса и чуткого реагирования на постоянно изменяющуюся стратегическую и тактическую обстановку. М.В. Посохин, главный архитектор Москвы в 1960–1980 годах, писал: «Архитектор – не свободный художник, способный самостоятельно выполнять собственные замыслы. <...> Многое зависит от эстетического уровня и подготовки “власть имущих”» [3, С.105]. Он считал, что для успеха в творчестве архитектор должен: «...в условиях зависимости и решающего командного значения высокопоставленного заказчика, определяющего направленность архитектурного творчества, бороться и сохранять высокий профессиональный уровень и правдивость архитектурного произведения, автором которого ты являешься» [3, С.227].

Идеологическая подготовка к «слому старого мира», в том числе его эстетических ценностей, началась в России задолго до 1917 года. Русские авангардисты провозглашали: «...авангард обязан своему существованию не столько идее конструирования нового мира, сколько мифологеме мужественного, отчаянного столкновения с непонятной и суровой “подлинной реальностью”, не имеющей ничего общего с плоской, плюшевой действительностью обывателя» [4].

Существовали и более радикальные мнения, увязывавшие авангард с «загадочной русской душой»: «...за тысячу лет мы еще не узнали себя и не научились себя ценить. Но через все века мы вынесли драгоценнейшие качества нашего великорусского характера: органическую детскость и стихийную жизненность – эти первые предпосылки творчества. У нас мало традиций, да и те слабы, потому что мы, великороссы, поистине отличаемся каким-то инстинктивным неуважением к старине»³.

Социалистические преобразователи Москвы 1920–1930-х годов не сочли актуальными романтические идеи Д. Рёскина и У. Морриса, считавшими доиндустриальный город

³ Полетаев Е., Пунин Н. Против цивилизации. – Петроград: ГИЗ, 1918. – 138 с. – С. 135.

важнейшим объектом исторического наследия [5, С.6]. Футуристические проекты последовательно уничтожали структуру средневековой Москвы, выделяя отдельные древние объекты как градостроительные доминанты, подлежащие включению в ткань нового города.

Параллельно с публикацией и широким обсуждением креативных градостроительных идей лидеров архитектурного цеха – от «Лучезарного города» Ле Корбюзье до «Города-ракеты» – параболы Н.А. Ладовского, в мастерских Моссовета шла плановая работа по составлению Генплана реконструкции Москвы.

В первой половине 1930-х, в ситуации отсутствия главного документа территориального планирования – Генерального плана города, а также неспособности организованного в 1932 году Архитектурно-планировочного управления Моссовета (АПУ) эффективно регулировать московское строительство, по предложению первого секретаря МГК ВКП(б) Л.М. Кагановича в Москве был введен институт магистральных архитекторов.⁴ Магистральные архитекторы должны были взять под надзор магистральные улицы и прилегающие к ним переулки, отвечали за то, как оформляется подотчетная им часть города, становились как бы хозяевами застройки этой территории. Институт магистральных архитекторов действовал до 2000-х годов, вплоть до ликвидации системы проектных организаций Москомархитектуры после 2011 года.

Одним из московских магистральных архитекторов стал А.В. Щусев. В зону его ответственности входила территория южной части Садового кольца.

В 1934 году И.В. Сталин – главный «архитектор социализма», сформулировал перед московскими зодчими государственный заказ: столица должна быть превращена в «ансамбль ансамблей». Возрождались утопическая идея барочного города – произведения искусства [6, С.409]. Вместе с тем повышалась роль фигуры творца – зодчего.

Все радикальные авангардные проекты преобразования Москвы, которыми изобиловали конец 1920-х и, в особенности, начало 1930-х годов, были отринуты, и принята стратегия развития столицы в рамках сложившейся пространственной организации: «Город получил наконец детально разработанный регулирующий документ – основу для решения любых конкретных проблем строительства в интересах гармоничного развития всей его громадной системы» [7, С.83].

Внимание автора статьи сосредоточено на реконструкции южной части Садового кольца в ходе реализации Генеральных планов Москвы, начиная с Генплана реконструкции 1935 года, и персональной роли зодчих, преобразовавших и формировавших в различные периоды московского градостроительства исторический городской ландшафт этой части столицы.

Садовое кольцо возникло на месте 15-километрового оборонительного земляного вала с деревянной стеной на нем и рвом, воздвигнутого в 1592–1593 годах по повелению Бориса Годунова. Через тридцать лет после пожара 1611 года, случившегося во время польской оккупации Москвы, деревянные Калужские и Серпуховские ворота были заменены на каменные башни-ворота. Ворота «притягивали» к себе планировку внутри Земляного города, что вызвало схождение Б. Полянки, Б. Ордынки, Пятницкой к Серпуховской площади, Б. Якиманки и Житной – к Калужской. Серпуховская площадь по проекту «регулирования» 1786 года должна была стать прямоугольной, длиной 170 метров, шириной 32 метра, однако по проекту 1798 года получила овальные границы (рис. 1).

⁴ Крюков М. Что и как делает АПУ // Строительство Москвы. – 1932. – №10. – С. 4–5.

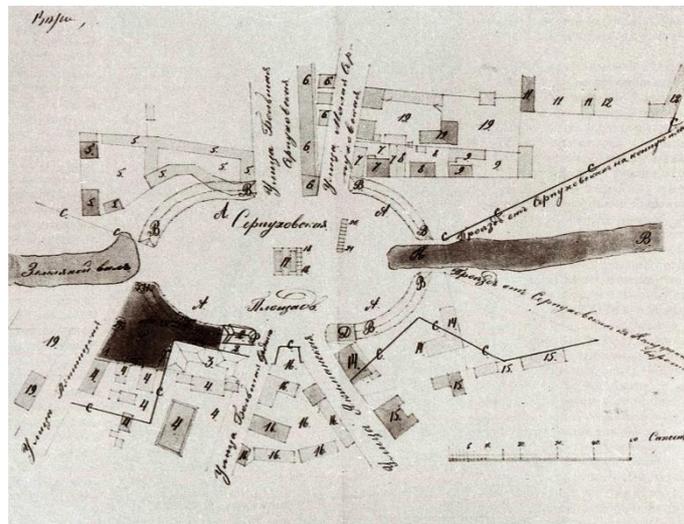


Рис. 1. 1802. Чертеж Серпуховской площади

Память об овальной Серпуховской площади осталась во фрагменте малоэтажной исторической застройки между Б. Ордынкой и Пятницкой улицами.

Калужская площадь по «прожектированному Москве» плану 1775 года имела форму круга с диаметром 138,7 метра, уменьшенному в 1791 году до 107,5 метра из-за мешавших планировке земляных валов. К концу XVIII века валы были срыты, ров засыпан, и проект 1798 года предписывал Калужской площади овальную форму 69x128 метров. Проект не был реализован, и площадь оставалась круглой (рис. 2).

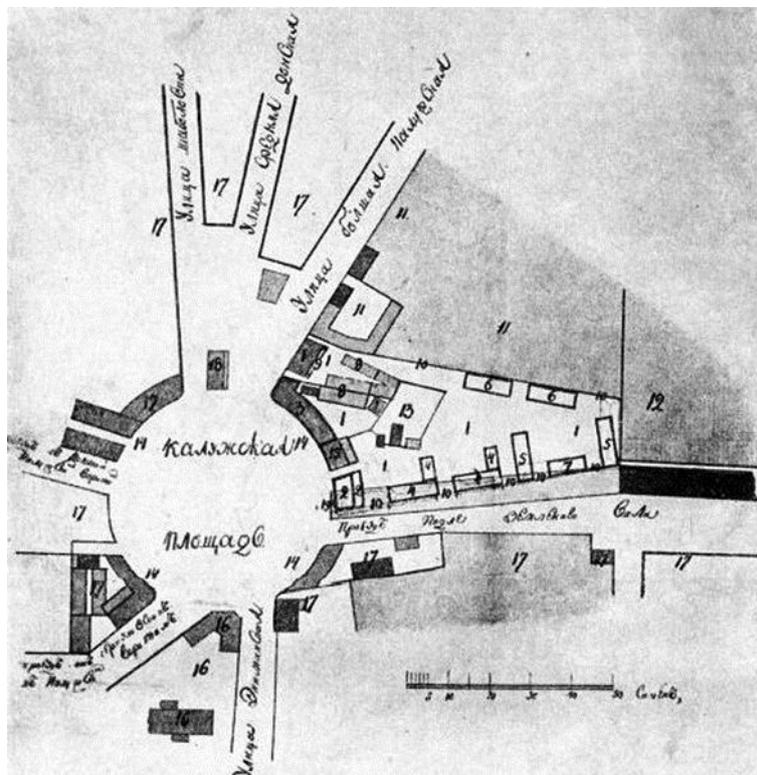


Рис. 2. 1806. Чертеж Калужской площади

После пожара 1812 года вал был окончательно срыт, и в 1816–1830 годах образована широкая улица – Садовая⁵. Структура площадей юга Садового кольца, как и общая градостроительная программа послепожарной перепланировки Москвы, была намечена проектным планом В. Гесте 1813 года и закреплена планами Комиссии для строения города Москвы. В таком виде Калужская и Серпуховская площади дошли до начала XX века.

В 1925 году Садовое кольцо стало границей между 4-м и 5-м строительными поясами, предусмотренными «Временными правилами по застройке Москвы» определявшими характер землепользования и высоту строений.

В проектном плане «Новой Москвы», завершеном под руководством А.В. Щусева в 1923 году, а затем в Генплане реконструкции Москвы 1935 года, были намечены четыре транспортных кольца: Бульварное кольцо «А», Садовое кольцо «Б», Новое Бульварное кольцо «В» и Парковое кольцо «Г» (рис. 3). Кольцо «А» так и не было замкнуто, кольца «В» и «Г» в процессе реализации утратили первоначальные очертания и бульварную планировку. Только кольцо «Б» – Садовое, проектировавшееся и строившееся с 1930-х годов, стало одной из основных столичных магистралей.

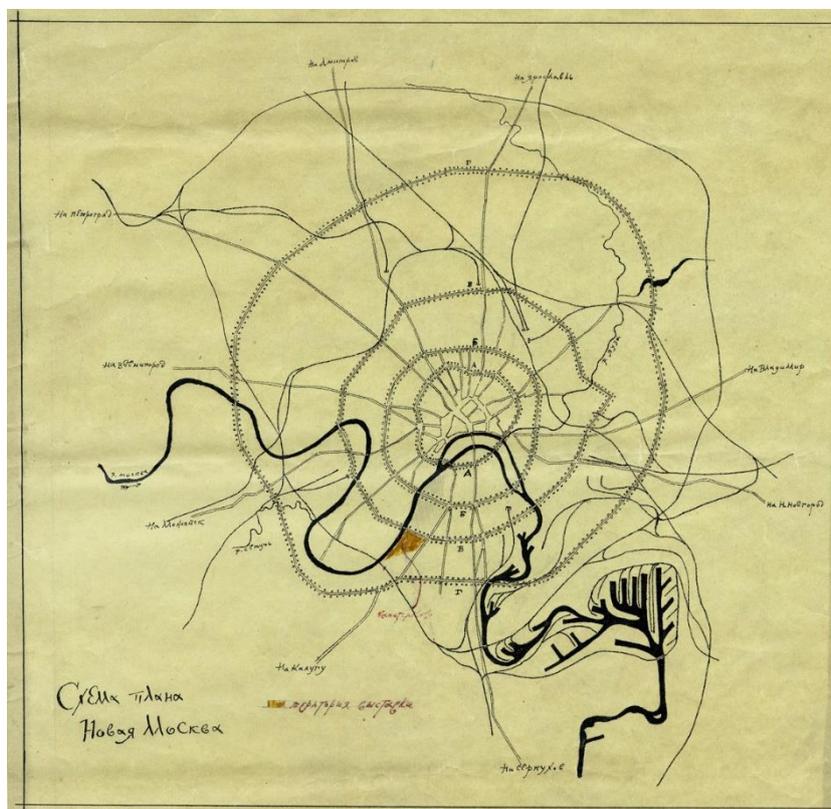


Рис. 3. 1920–1922. Схема плана «Новая Москва» с прокладкой транспортных колец. Архитектурно-художественная мастерская Моссовета. Ст. мастер А.В. Щусев

В разделе V Генплана 1935 года: «Реконструкция основных магистралей города», подробно описаны планы реконструкции Садового кольца, в том числе его южной части: «Валовая улица и Зацепа, от Лужниковской улицы до Добрынинской площади, объединенные в одну общую магистраль, будут иметь ширину в 145 м. Между Валовой улицей и Зацепой запроектирован бульвар. Добрынинская площадь значительно расширяется. В нее будут вливаться широкие бульвары Садового кольца и Большой и Малой Ордынок. Житная улица и Коровий вал объединяются и образуют магистраль

⁵ Сытин П.В. Из истории московских улиц. – Москва: Моск. рабочий, 1958. – 844 с. – С. 333–334.

шириной в 150–160 м. Кварталы, расположенные между этими улицами, превращаются в бульвар. Обе стороны этого отрезка кольца застраиваются многоэтажными домами. Значительно расширяемая Октябрьская площадь запроектирована как районный центр. Богатое озеленение, намеченное на этом отрезке Садового кольца, архитектурно увязывается с зелеными массивами Центрального парка им. Горького» [8, С.112–113] (рис. 4).



Рис. 4. 1935. Генеральный план реконструкции города Москвы. Схема пробивки новых и реконструкции старых магистралей центральной части гор. Москвы (фрагмент)

С 1920-х годов, в связи с нараставшим ростом численности населения столицы, вопрос транспортного обслуживания постепенно перерастал в проблему (рис. 5). К 1940 году большая часть Садового кольца обслуживалась только троллейбусами и автобусами. Их транспортировочные возможности не превышали 10 тыс. пассажиров в час. Проектировщики пришли к выводу, что значение Садового кольца как пассажирообразующей магистрали будет только увеличиваться, что вызывает необходимость формирования на этой трассе мощной транспортной артерии. Такой артерией могла стать кольцевая линия метрополитена. Это на длительный срок должно было обеспечить разгрузку центра города и создать условия для роста подвижности населения (рис. 6).

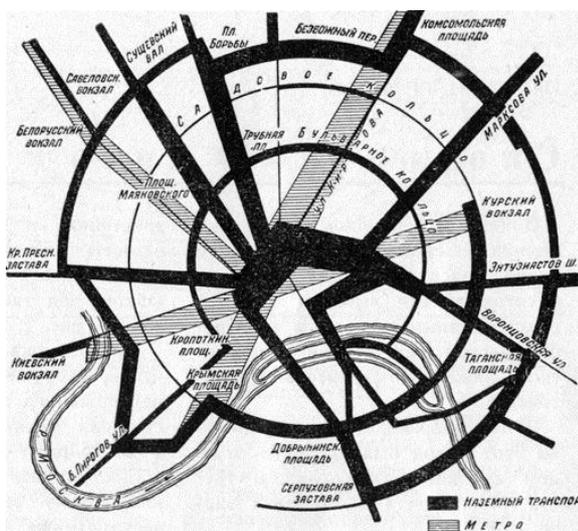


Рис. 5. Суточное распределение пассажиров всех видов городского транспорта в 1939 году

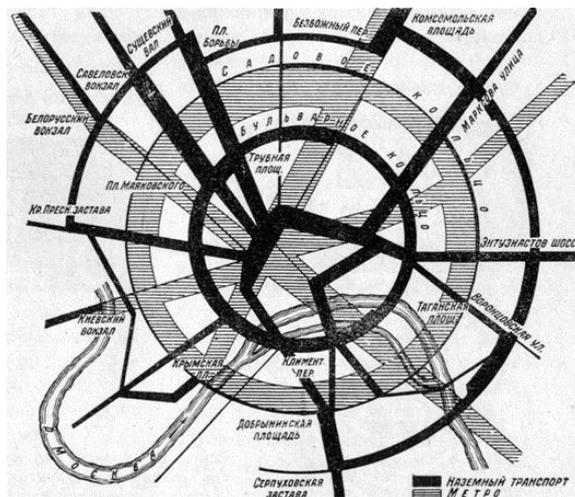


Рис. 6. Предлагаемое суточное распределение пассажиров всех видов городского транспорта, планировавшееся к 1945 году

Строительство станций метрополитена планировалось на основных узлах: Таганской площади, Ульяновской улице, площадях: Курского вокзала, Земляного вала, Красных ворот, Колхозной и т.д. – всего 16 перегонов. Среднее расстояние между станциями не должно было превышать 1 км⁶.

После принятия Генплана реконструкции Москвы 1935 года в проектных и планировочных мастерских Моссовета были развернуты широкомасштабные проектные работы для его реализации. На первой очереди стояла планировка основных магистралей, набережных и площадей.

К 1940 году проект застройки Садового кольца по всей его длине разрабатывался пятью магистральными архитекторами – А.В. Щусевым («Академпроект»), И.А. Голосовым (Архитектурно-проектная мастерская № 4 Моссовета), Д.Н. Чечулиным (Архитектурно-проектная мастерская №2 Моссовета), Н.Я. Колли (Архитектурно-проектная мастерская № 6 Моссовета) и К.И. Джусом (Архитектурно-проектная мастерская № 9 Моссовета). Под их руководством над компоновкой отдельных зданий работали коллективы архитекторов столицы⁷. А.В. Щусев составлял проект реконструкции южной части магистрали Садового кольца от Крымского до Краснохолмского моста.

Перипетии с прекращением работы А.В. Щусева в системе Моссовета и переход в «Академпроект» в 1938 году выбили творческий коллектив из директивного графика разработки детальных проектов застройки южного отрезка Садового кольца.

Неразберихе способствовало отсутствие координации работы проектных коллективов со стороны Управления планировки и проектирования: «Отсутствие единства в подходе к решению задачи, неопределенный срок окончания работы, непродуманность общих вопросов архитектурно-пространственной идеи всего Садового кольца несомненно отразятся на качестве форпроектов застройки». Критиковали и «Академпроект»: «...мастерская акад. арх. Щусева к концу марта [1940 года] еще не развернула работ на своем участке магистрали»⁸.

⁶ Королев В.Г., Нелидов И.А. О развитии городского транспорта // Строительство Москвы. – 1940. – № 18. – С. 22–23.

⁷ Чечулин Д.Н. На путях к комплексному проектированию // Строительство Москвы. – 1940. – №11–14. – С. 38–45.

⁸ Кусаков В. Садовое кольцо // Архитектура СССР. – 1940. – № 4. – С. 44–55.

Застройка южного отрезка Садового кольца имеет почти правильную ориентацию: юг-север. А.В. Щусев проектировал в этой зоне несколько объектов Академии Наук СССР – на Крымском валу (рис. 8а,б) и на Большой Калужской улице, уходящей на юго-запад от Октябрьской площади. На южном участке Садового кольца, в отличие от северной части, к 1941 году фактически не было законченных проектов отдельных зданий и ансамблей. Проектировалось несколько объектов, проводились конкурсы, но все это не было утверждено. В последний момент перед войной Моссовет выпустил новое планировочное задание, изменявшее предыдущее. За две недели до начала войны Архитектурно-проектная мастерская № 6 Моссовета (рук. Н.Я. Колли, автор-арх. Н.Н. Селиванов) приступила к составлению документации. Основой для работы послужил проект реконструкции юга Садового кольца, выполненный под руководством А.В. Щусева.

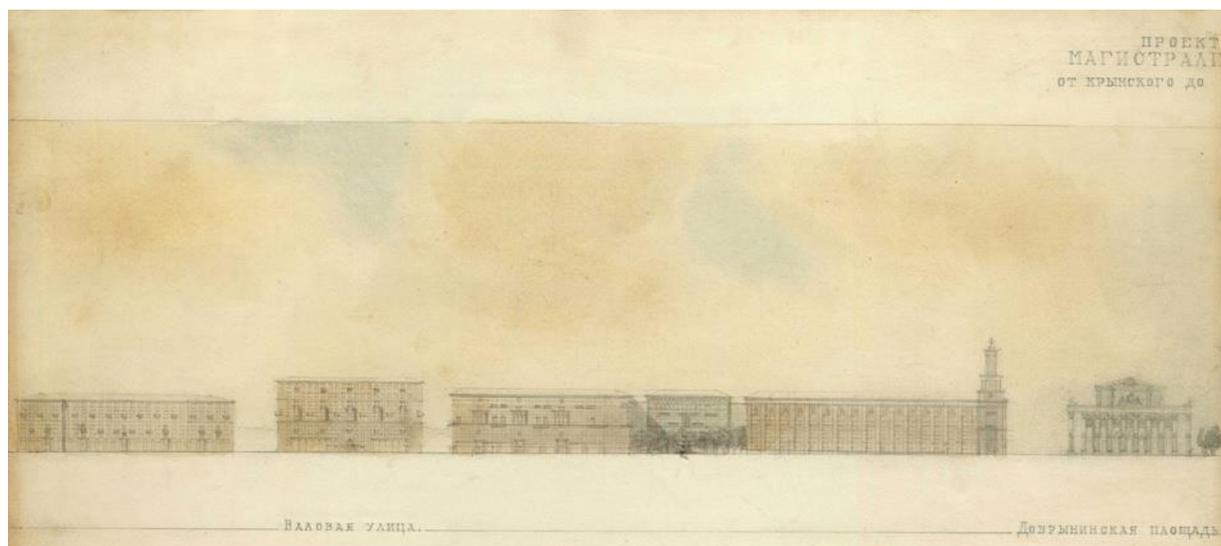
В данную статью включены первые публикации разверток проекта реконструкции Садового кольца и перспективы площадей, подписанные магистральным архитектором, академиком архитектуры А.В. Щусевым и датированные 1940–1941 годами (рис. 7–10).



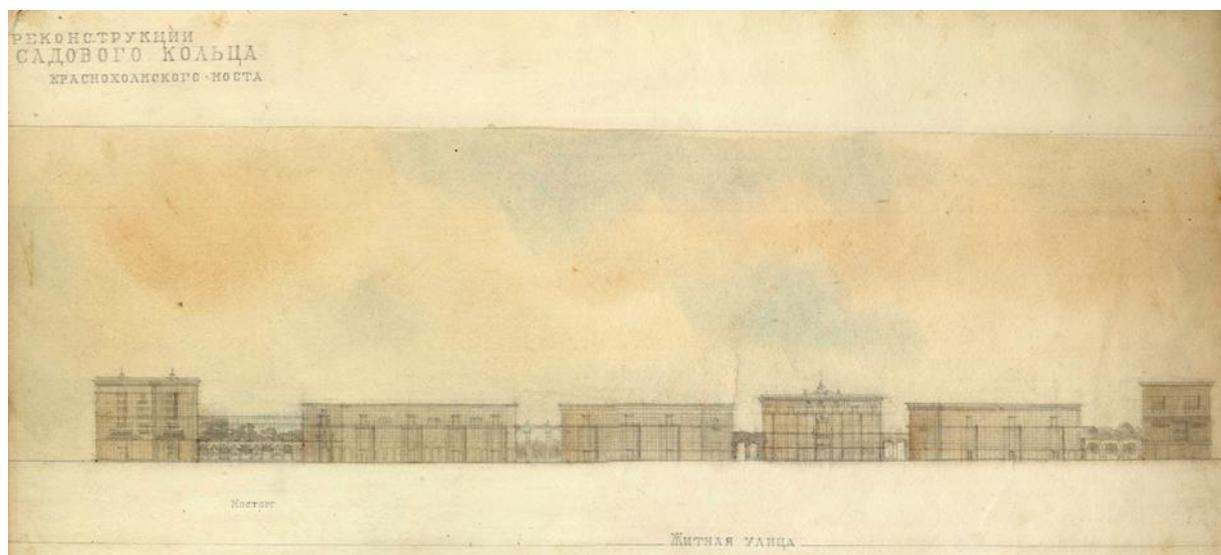
а)



б)



в)

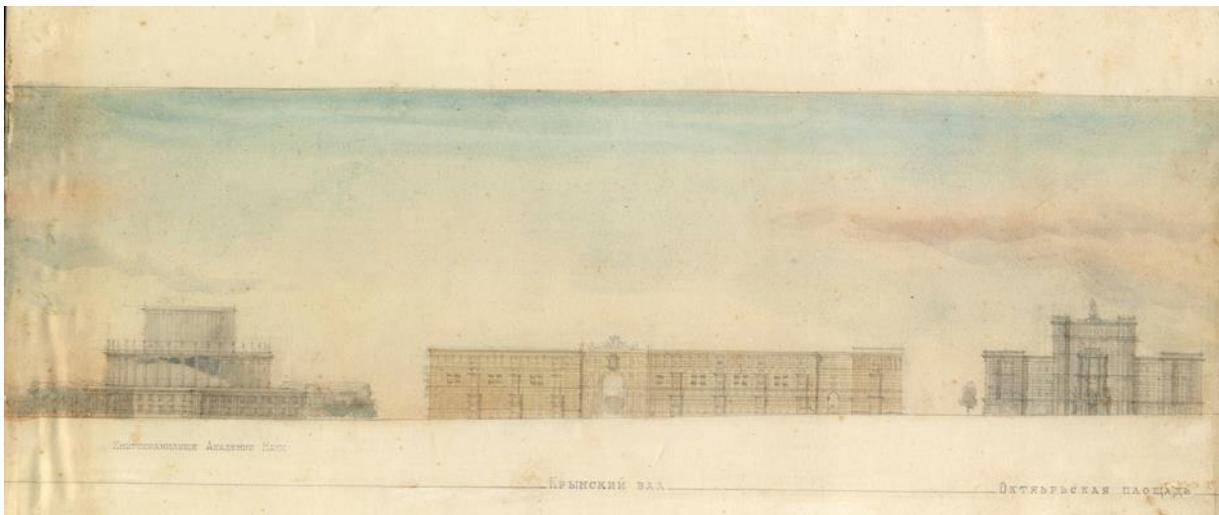


г)

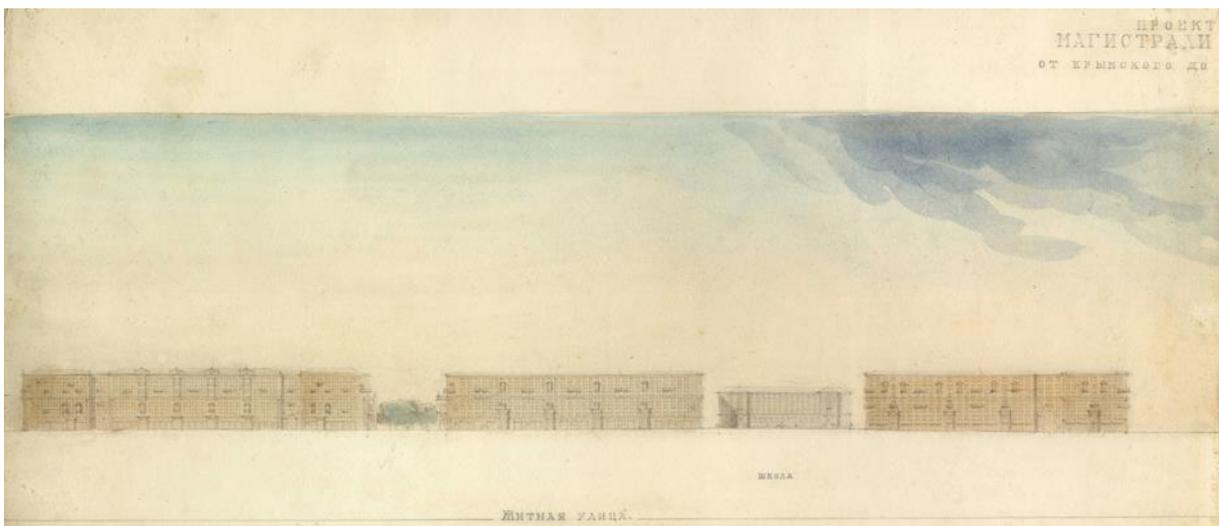
Рис. 7. 1940. Проект реконструкции магистрали Садового кольца от Крымского до Краснохолмского моста. Развертки внешней стороны. Магистральный архитектор, академик архитектуры А.В. Щусев (материалы коллекции А.В. Щусева, публикуется впервые): а) Нижняя Краснохолмская улица; б) Зацепский вал, площадь Павелецкого вокзала; в) Валовая улица, Добрынинская площадь; г) Житная улица



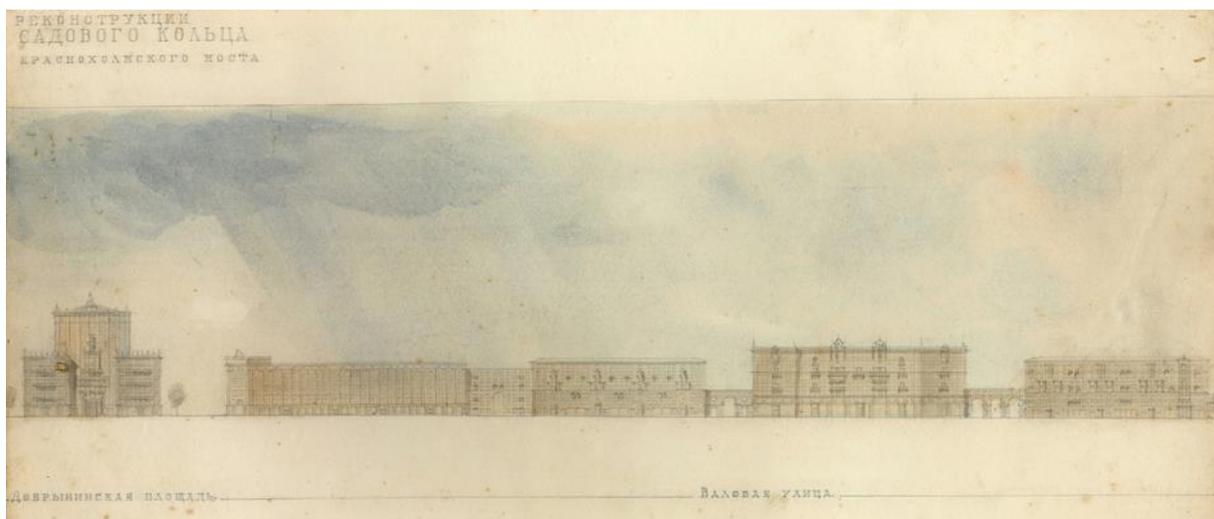
a)



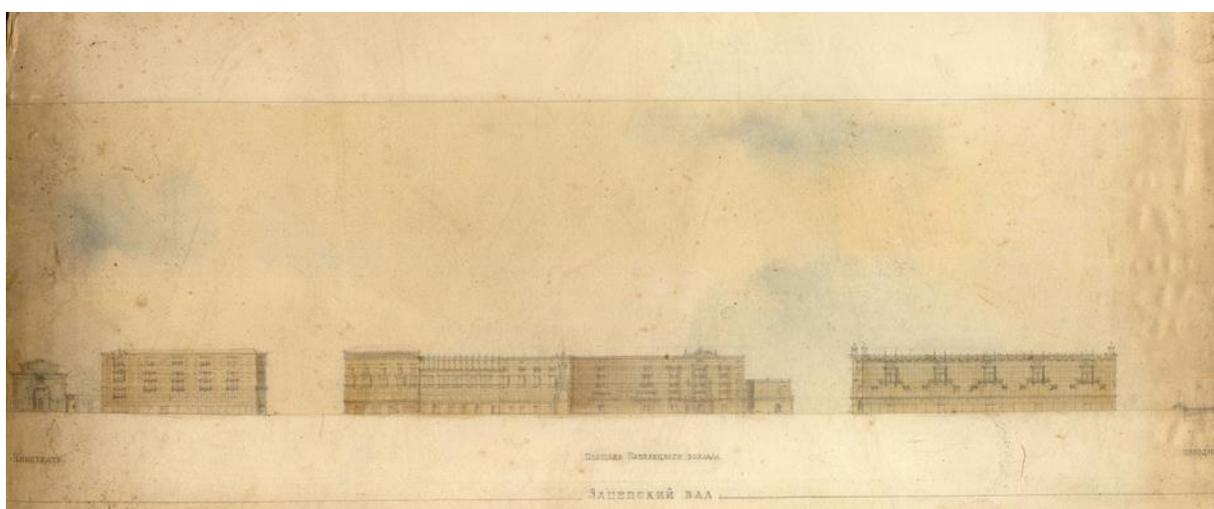
б)



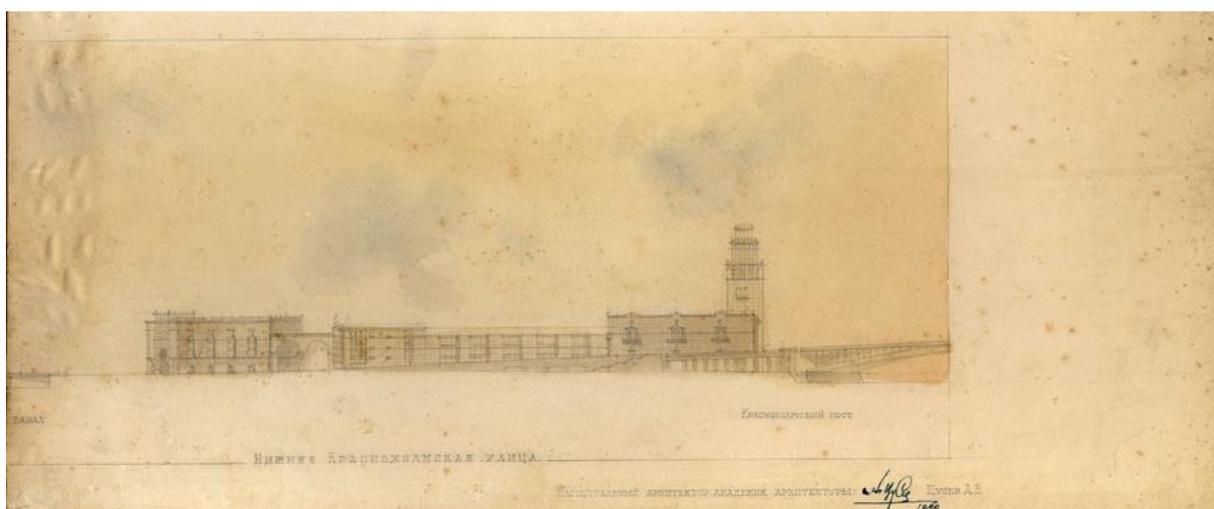
в)



г)



д)



е)

Рис. 8. 1940. Проект реконструкции магистрали Садового кольца от Крымского до Краснохолмского моста. Развертки внутренней стороны. Магистральный архитектор, академик архитектуры А.В. Щусев (материалы коллекции А.В. Щусева, публикуется)

впервые): а) Крымский мост, Дворец советов, Главное здание АН СССР; б) Крымский вал, Книгохранилище АН СССР, Октябрьская площадь; в) Житная улица; г) Добрынинская площадь, Валовая улица; д) Зацепский вал, площадь Павелецкого вокзала; е) Нижняя Краснохолмская улица

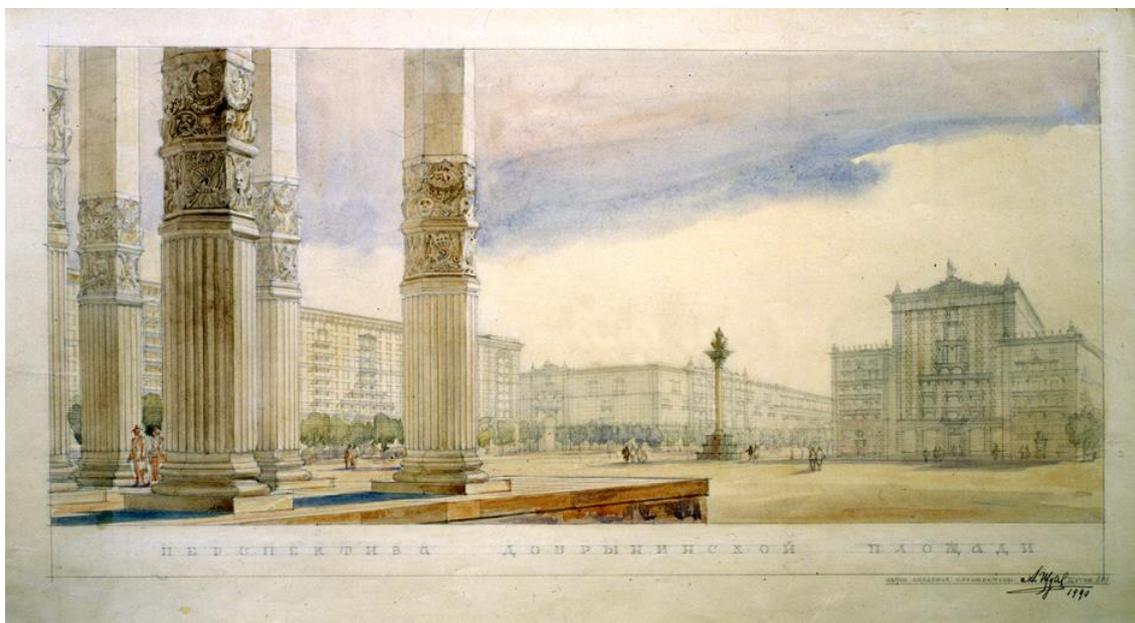


Рис. 9. 1940. Перспектива Добрынинской площади. Академик архитектуры А.В. Щусев (публикуется впервые)



Рис. 10. 1941. Проект Октябрьской площади. Академик архитектуры А.В. Щусев (публикуется впервые)

Площади юга Садового кольца планировались по-разному, в зависимости от транспортных решений и композиционного построения ансамблей.

Октябрьская (Калужская) площадь утрачивала круглую форму и приобретала прямоугольную планировку, развиваясь к югу от Садового кольца. На севере и юге напротив друг друга возвышались 8-этажные административные корпуса с ризалитами,

центральной 11–14-этажной частью, монументальными многоуровневыми порталами и скульптурой (рис. 8б). В угловом западном корпусе гостиницы устраивался второй вестибюль метро «Октябрьская площадь». Направление Садового кольца в сторону Добрынинской площади подчеркивалось сдвоенными 8-этажными корпусами, развернутыми к площади накладным ордером. 4-этажная арка отмечала центр фасада 6-этажного дома, смещавшую планировочную ось площади к югу. В южной части площади разбивался сквер, перед ним возвышался обелиск, увенчанный скульптурой (рис. 10).

Здания райкома партии и райсовета превращали Октябрьскую площадь в главную общественную площадь района. Под площадью по Садовому кольцу в одном из вариантов прокладывался двухочковый тоннель. Намечались подземные пешеходные переходы.

Центральной площадью южного отрезка Садового кольца становилась Добрынинская (Серпуховская) площадь. Для площади первоначально был принят восьмиугольный вариант с минимальным сносом, что не вполне соответствовало ее парадной роли главной площади южной части Садового кольца, месту пересечения с диаметром Останкино – Серпуховское шоссе. В проекте А.В. Щусева площадь получила прямоугольные очертания, на ней намечалось строительство здания театра с коринфским периптером и сквером перед ним (рис. 7в). Портик здания театра формировался гранеными колоннами в стиле раннего Возрождения XV века, решенными по аналогии с ордером внутреннего двора флорентийского палаццо Веккио. В северной части как напоминание о первоначальной октагональной планировке на развертке осталось восьмиугольное 14-этажное общественное здание (рис. 8г). На перспективе это здание приобрело прямоугольные очертания (рис. 9).

Под Садовым кольцом планировался двухочковый тоннель с разделением движения по направлениям (рис. 11).



Рис. 11. 1937. Вариант планировочно-транспортного решения Добрынинской площади

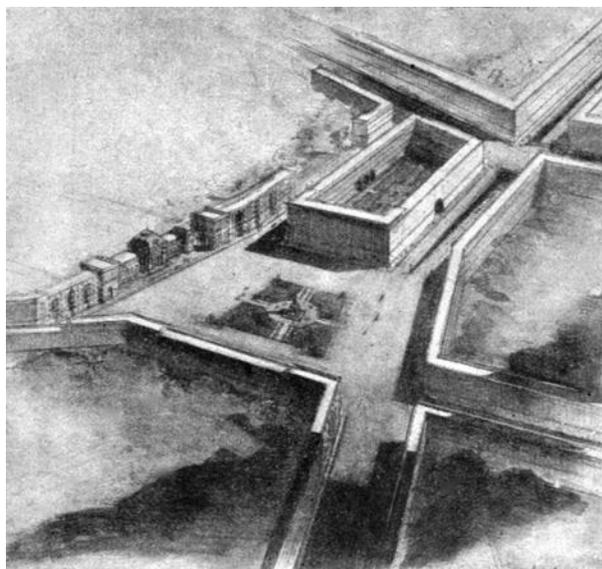
Площадь Саратовского вокзала⁹, в 1924 году переименованной в Павелецкой, подписанная в проекте А.В. Щусева как площадь Павелецкого вокзала, с самого начала решалась в двух вариантах. По первому сохранялась обособленность вокзальной площади, ранее выходившей на вал, но застроенной каменными домами и лавками

⁹ Манкевич, Ясенев, Горохова О.Н. Площадь Саратовского вокзала // Строительство Москвы. – 1937. – №7. – С.18–19.

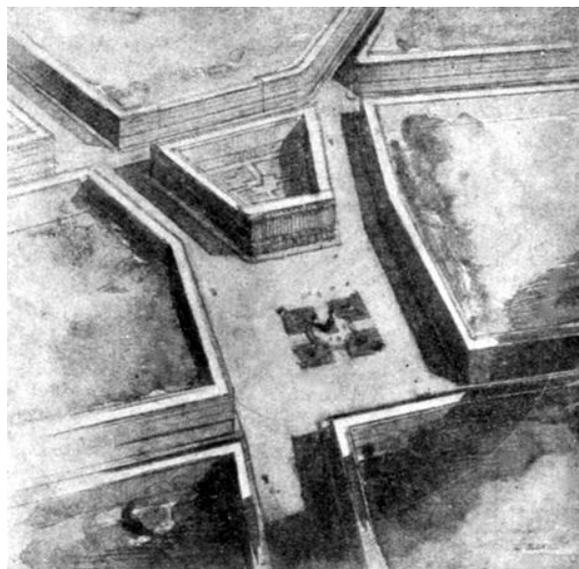
Зацепского рынка¹⁰. По второму площадь открывалась на Садовое кольцо. В первом вокзал оставался на месте, во втором переводился к Жукову проезду, южнее по железнодорожным путям (попытки перенести московские вокзалы из центра в периферийные районы предпринимались вплоть до 2000-х годов).

По первому варианту трапециевидная привокзальная площадь размером 3,2 га с востока была ограничена Кожевнической улицей, с севера – Садовым кольцом. Садовое кольцо уходило в тоннель под Новокузнецкой улицей, продолжающейся на юг в направлении Дубининской улицы. По красным линиям площади размещались оба вестибюля метро: у вокзала и на северной стороне Садового кольца. Пешеходы пересекали Садовое кольцо по подземным переходам. На площади разбивался сквер, в центре которого планировалась установка памятника С.М. Кирову (рис. 12а).

По второму варианту площадь представляла композицию, зеркальную предыдущей. Перед местом, где находился вокзал, возникал трапециевидный квартал, в котором размещался Районный Совет. Главный фасад Райсовета выходил на прямоугольную площадь со сквером и памятником С.М. Кирову, перед ним организовывалась автостоянка. Садовое кольцо шло по поверхности земли, а Новокузнецкая улица уходила в тоннель (рис. 12б).



а)



б)

Рис. 12. 1937. Проект планировки площади Саратовского вокзала. Варианты планировочно-транспортного решения: а) первый вариант; б) второй вариант

А.В. Щусев объединил оба варианта, оставив вокзал на месте и раскрыв площадь со сквером и фонтаном на Садовое кольцо. Вокзал расширялся и перестраивался, получая в центре 5-этажный корпус с часовой башней и шпилем. Вход оформлялся аркой на всю высоту здания, освещавшей через витраж главный зал вокзала. Угловое здание к западу от вокзала в силу своего композиционного значения в градостроительном ансамбле получало со стороны площади внешний портик, завершенный скульптурами (рис. 7б).

На Крымском и Коровьем валу разбивались бульвары. Между площадями ставились преимущественно 7-этажные жилые дома (рис. 8в). По проекту А.В. Щусева были уточнены красные линии застройки.

¹⁰ Сытин П.В. Из истории московских улиц. – Москва: Моск. рабочий, 1958. – 844 с. – С. 456.

Форсированная работа архитекторов привела к тому, что к началу 1940-х годов Садовое кольцо было сформировано как мощная транспортная магистраль, соединявшая все планировочные радиусы Москвы.

За двадцать лет, с 1917 года, Москва резко изменилась и по мысли правительства СССР должна была стать витриной преимуществ социализма. Время Первой мировой и Гражданской войны, разрухи и НЭПа отдалялось, но не забывалось. Постепенно «послевоенные годы как-то незаметно обернулись в предвоенные» [9, С.554]. В июне 1941 года началась война, и действие Генплана реконструкции Москвы было приостановлено.

Работы по преобразованию Москвы были возобновлены в 1943 году и активизировались в 1944, после образования Комитета по делам архитектуры Моссовета. На определенное уточнение идеологического вектора градостроительной политики, неотрывной от политики государственной – «державно-патриотического курса» [10], повлияла победа в Великой Отечественной войне, бесспорность которой определилась уже в 1943 году. В дальнейшем с падением авторитета лидеров партии и государства: «...именно Победа фактически становилась единственной легитимизацией советского строя» [11]. Образ Победы и роли в ней партии закреплялся архитектурно-художественными средствами в планировании и строительстве городов.

В апреле 1944 года Архитектурный совет при Управлении по делам архитектуры города Москвы на нескольких заседаниях рассматривал эскизные проекты Садового кольца. На заседании Архсовета по северу Садового кольца выступил А.К. Буров: «Мне кажется, что этот проект является символом методологических ошибок. <...> Нам нужно продумать методику решения кварталов. Интуитивно решать вопросы, которые решаются статистикой, нельзя». А.В. Власов поддержал: «Наши методы проектирования неправильны. Надо ставить вопросы проектирования кардинально, в увязке с планировкой»¹¹. После этого по югу было принято решение: поручить руководителю Мастерской перспективного проектирования Г.И. Глущенко, руководителю Мастерской Генплана А.А. Галактионову, а также районным архитекторам, подобрать весь имеющийся проектный и планировочный материал по южному отрезку Садового кольца.

На следующем заседании были рассмотрены эскизные проекты застройки южной части Садового кольца, разработанные под руководством Н.Н. Селиванова и В.П. Сергеева (Архитектурная мастерская перспективного проектирования Моссовета), Г.Я. Вольфензон (Архитектурно-проектная мастерская №7 Мосгорпроекта). Обсудили два варианта планировки площади Павелецкого вокзала (В.П. Сергеев, Г.Я. Вольфензон), эскизы застройки южной стрелки острова на Москве-реке, выполненные под руководством М.П. Парусникова (Архитектурно-проектная мастерская Государственных архитектурных мастерских Комитета по делам архитектуры). Основной задачей Архсовета было утвердить габариты площадей и окончательные точки размещения станций метрополитена.

В жилую застройку первой линии, на некоторых участках обогащаемую озелененными курдонерами, по заданию Моссовета планировалось вставить несколько апартмент-хаузов (новый для СССР вид жилья, упоминающийся в стенограммах Архсовета конца 1940-х годов).

Необходимо отметить, что на Архсовете внимательному изучению и оценке подвергались не только архитектурно-планировочные решения площадей. Не менее тщательно и последовательно рассматривались магистрали, расположение на них застройки, ее типология и художественно-пластические свойства, инсоляция, транспортные решения, пешеходные переходы, устройство бульваров, увязка с окружающими улицами кварталами и вновь проектируемыми площадями.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 37, л. 5.

Много споров на Архсовете вызвало предложение об установке на входе в ЦПКиО им. Горького павильона СССР на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке (рис. 13). Павильон простоял на выставке в Нью-Йорке около года. После бомбардировок Хельсинки советской авиацией в ноябре 1939 года и последовавшего за этим исключения СССР из Лиги Наций, павильон был демонтирован и отправлен обратно в Москву. Решение о монтаже павильона шло вразрез с проектом реконструкции ЦПКиО им. Горького, разработанному под руководством А.В. Власова (рис. 14).

На развертках А.В. Щусева этот фрагмент Садового кольца отсутствует.



Рис. 13. 1939. Павильон СССР на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке. Арх. Б.М. Иофан, М.В. Андрианов, Я.Б. Белопольский, Ю.П. Зенкевич, Д.М. Иофан, Д.А. Касаткин, П.П. Кушнир



Рис. 14. 1940. Проект реконструкции ЦПКиО им. Горького. Макет. Арх. А.В. Власов, В.Б. Москвин, А.В. Натальченко, Н.Э. Шмидт

Точку в дискуссии о павильоне поставил С.Е. Чернышев: «Павильон сыграл свою роль, но ставить сыгравшее свою роль здание [там], где Дворец Советов и Академия Наук – нельзя. Никогда на выставке не поставите старый павильон второй раз. Это говорит о бедности материальной и пустоте. Пусть Иофан сделает на новом месте. Поношенный пиджачок висит – это умаляет достоинство»¹².

Д.Н. Чечулин критиковал архитектуру Октябрьской площади в проекте Г.Я. Вольфензона: «...дайте, что Ваша фантазия позволит, а все-таки они [здания] сжимались, сжимались и усохли. <...> Еще раз повторяю – будьте застрельщиками в искании нового, свежего»¹³.

Планировка Добрынинской площади требовала большого сноса и передвижки здания универмага, но, по мнению А.А. Галактионова: «...если говорить о действительном создании лица Замоскворечья, если где трахнуть, то на этой площади. Тут надо пойти за счет экономии в других местах, а именно: Серпуховскую площадь сделать парадной»¹⁴.

Площадь Павелецкого вокзала выставлялась в двух вариантах. В квартале западнее вокзала было решено размещать доминирующее над всей площадью многоэтажное здание гостиницы с высотным акцентом на углу.

Г.Я. Вольфензон показывал развертки Павелецкой площади со стороны Садового кольца (рис. 15). Площадь давалась по обособленному варианту, не полностью открытому на Садовое кольцо (рис. 16). В центре существующего вокзала, для которого предлагался иной фасад, располагалась декоративная башня. Справа – гостиница, слева – административное здание (рис. 16,17). Г.Я. Вольфензон объяснял свой вариант попыткой провести принцип «обобщения большой формы». Это давало возможность работать над деталями. Крупные поверхности предлагалось выполнять в цвете с заполнением сграффито или майоликой.

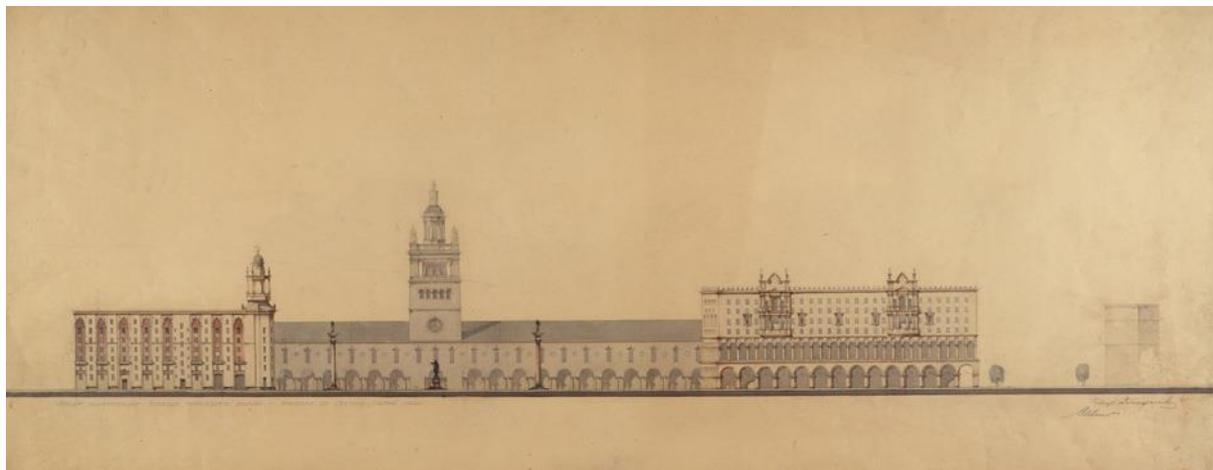


Рис. 15. 1944. Г.Я. Вольфензон, Д.Б. Савицкий. Проект реконструкции площади Павелецкого вокзала – панорама со стороны Садовой улицы

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 21об.

¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 23–24.

¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 19об.

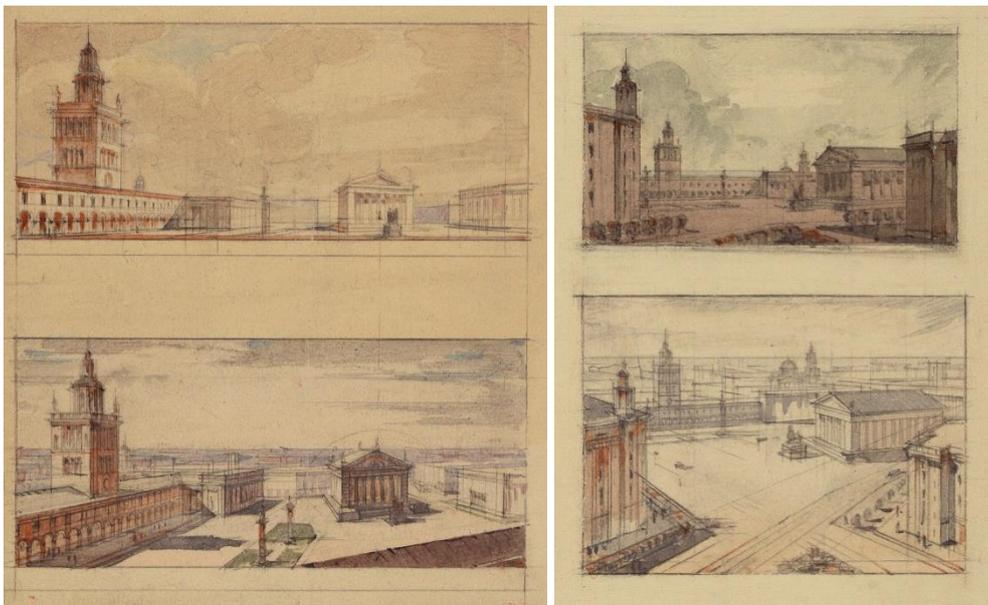


Рис. 16. 1944. Г.Я. Вольфензон, Д.Б. Савицкий. Проекты реконструкции площади Павелецкого вокзала. Эскизы. Перспективы

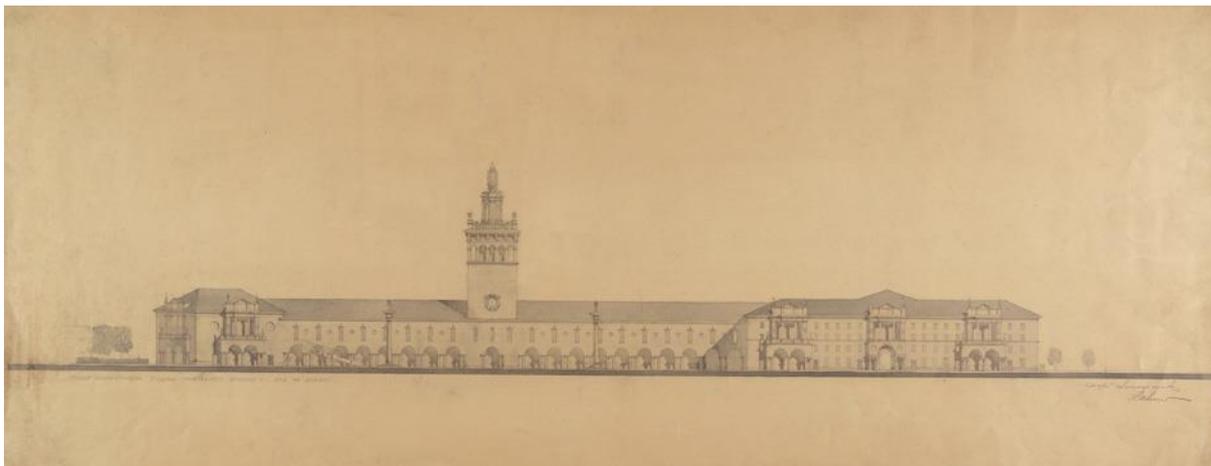


Рис. 17. 1944. Г.Я. Вольфензон, Д.Б. Савицкий. Проект реконструкции площади Павелецкого вокзала – вид на вокзал

С.Е. Чернышев не одобрил архитектуру вокзала: «Это вроде Ост-зейского города, не московская архитектура» (рис. 18). А.В. Власов его не поддержал: «Г.Я. [Вольфензон] сделал хорошо». Позиция Д.Н. Чечулина совпала с мнением С.Е. Чернышева: «Г.Я. [Вольфензон] представил проект, но в нем есть старина. Хорошо сделан – нет возражений, но чтобы сказать, что это свежесть в архитектуре – нельзя. Эстберг – лучше. Это же его тема архитектуры и хуже его сделать, да еще в нашей стране – это стыдно, и если взять его решение и мотивы (я не против стиля) сильнее, вкусней и по русскому размаху – а тут такая площадь, решенная в каком-то таком европейском характере – не наша это»¹⁵.

¹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 21–23об.



Рис. 18. 1944. Г.Я. Вольфензон, Д.Б. Савицкий. Проект реконструкции площади Павелецкого вокзала. Перспектива

Д.Н. Чечулин высказался о проекте стрелки М.П. Парусникова: «Место исключительное по своей природе и расположению в городе. <...> Тут должно быть здание дворцового типа, омываемое со всех сторон. <...> Надо поработать и сделать еще один вариант. Жалеть пороха не будем»¹⁶.

А.В. Власов положительно отозвался о проектах в целом: «Решение южной половины Садового кольца – правильное, именно, с обще-архитектурной градостроительной задачи в целом. Это то, о чем мы говорили – правильное чередование площадей, правильная их конфигурация и габариты, не отвлеченные габариты, а с учетом всего существующего тела города»¹⁷.

При подведении итогов рассмотрения Д.Н. Чечулин не преминул подчеркнуть различие между опытными архитекторами и начинающими: «Тут, несомненно, надо отдать справедливость тому, что авторы молодые еще и шли по путям нашей работы прошлой. Сидящие здесь – старые волки в решении, нахождении архитектуры площадей и в этом отношении молодым авторам представляется возможность поучиться и поработать»¹⁸.

42-летний председатель Архсовета, начальник Управления по делам архитектуры Моссовета Д.Н. Чечулин, через год ставший главным архитектором Москвы, говорил о молодежи – 38-летних Н.Н. Селиванове и В.П. Сергееве. Член Архсовета А.В. Власов, занявший в 1950 году пост главного архитектора Москвы после Д.Н. Чечулина – тоже «старый волк», был на год старше Д.Н. Чечулина.

В.П. Сергеев уже занимался планировкой Садового кольца – в 1939 году вместе с Н.Я. Колли и И.Н. Кастелем в АПМ № 6 Моссовета он выполнил форпроект застройки Садового кольца от Крымского моста до площади Восстания (рис. 19).

¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 23.

¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 22.

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 22об.

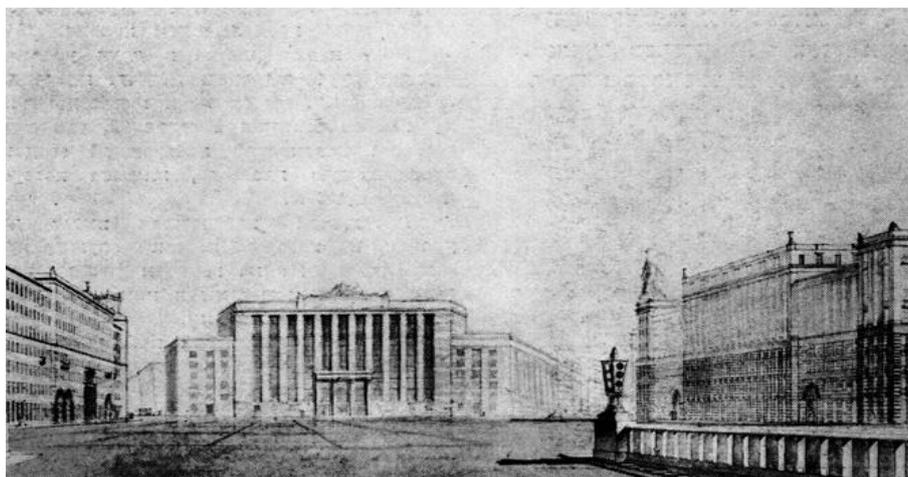


Рис. 19. 1939. Проект реконструкции Смоленской площади. Арх. Н.Я. Колли, И.Н. Кастель, В.П. Сергеев

Руководителям мастерских Г.Я. Вольфензону и М.П. Парусникову исполнилось пятьдесят. Вряд ли Д.Н. Чечулин относил их к неискушенной молодежи.

Самым старшим на заседании Архсовета был С.Е. Чернышев – один из мастеров Архитектурно-художественной мастерской Моссовета, в 1919–1921 годах работавший над эскизным проектом перепланировки Хамовнического района «Новой Москвы», главный архитектор Москвы в 1934–1941 годах, руководивший вместе с В.Н. Семеновым разработкой Генплана реконструкции Москвы 1935 года. Его высказывания всегда носили независимый, образный характер: «Здесь центр не в центре и симметрия не симметричная»¹⁹. Он не боялся приводить примеры из своих зарубежных поездок: «Этот угол вот таким уютгом – неприятен, <...> а вот в Париже, за границей прекрасно решается, а у нас если угол, то глухая стена получается, страшно; у них же приветливо решается угол, закругление»²⁰.

После оживленной дискуссии проект южной части Садового кольца был одобрен для передачи в Управление по делам архитектуры при Исполкоме Моссовета с замечаниями.

В 1951 году, после реорганизации проектных организаций Моссовета, изменилась структура территориальных границ ответственности магистральных архитекторов. Архитектурно-проектные мастерские Моспроекта были закреплены за административными районами, и южный отрезок Садового кольца был поделен на три зоны, над которыми работали разные мастерские.

Планировка Добрынинской площади велась в мастерской № 5 Моспроекта под руководством магистрального архитектора Г.А. Захарова. Проект овальной площади в 12 га, в 7,5 раза превышавшей существовавшую, с высотным зданием и обелиском посередине – реминисценция плана 1798 года (рис. 20), широкий бульвар с шестью единообразными высотными зданиями на Люсиновской – Б. Тульской улицах (рис. 21), составленный в 1952 году, отметили завершение периода имперского социализма [2, С.345–348]. Проект был одобрен Архитектурно-строительным советом под председательством А.В. Власова на заседании в июле 1952 года: «Добрынинская площадь, конфигурация площади, ее размеры и постановка высотного здания, обращенного своим основным фасадом по направлению к центру города – возражений не встречает. В дальнейшей архитектурно-композиционной проработке этой площади

¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 89, л. 15.

²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 40, л. 21.

необходимо проверить высоту намечаемого высотного здания и связь его с прилегающей застройкой»²¹.

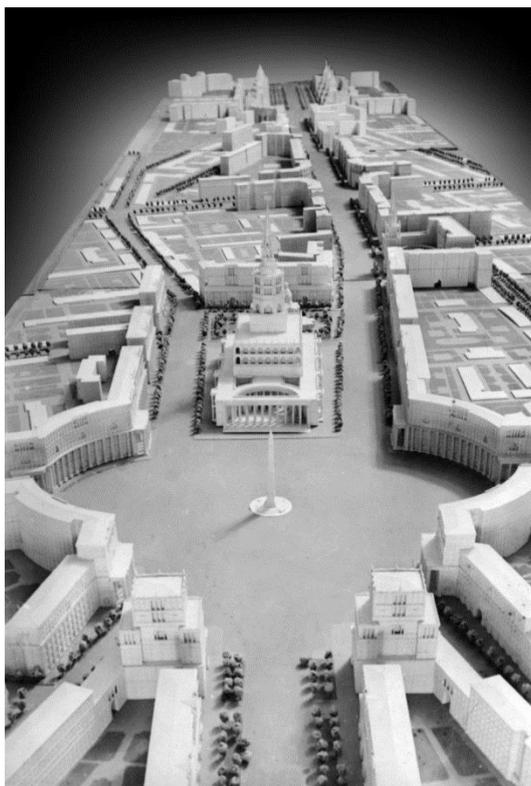


Рис. 20. 1952. Проект реконструкции Добрынинской площади. Макет. Моспроект, мастерская № 5. Рук. Г.А. Захаров



Рис. 21. 1952. Проект реконструкции Люсиновской улицы. Макет. Моспроект, мастерская № 5. Рук. Г.А. Захаров

²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 230, л. 177.

Выпускник Ленинградского института инженерно-коммунального строительства, Г.А. Захаров с 1934 года работал в Москве, в 1943–1948 годах в мастерской-школе И.В. Жолтовского. Во время борьбы с космополитизмом И.В. Жолтовский избежал дискредитации, «очистившись» от «безродных космополитов»: в 1948 году Г.А. Захаров и М.О. Барц были изгнаны из его мастерской.

Это спасло мастерскую-школу от гонений. Знаком «прощения» стало присуждение в 1950 году Сталинских премий Г.А. Захарову (I степени за архитектуру станции «Курская-кольцевая»), и И.В. Жолтовскому (II степени за архитектуру жилого дома № 11 по Калужской улице). По мнению историков: «...премирование Жолтовского сразу после кратковременной травли было сознательной издевкой Сталина над своими клеветами, готовыми поносить и возвеличивать кого угодно по указке сверху» [12]. В 1951 году архитектурная мастерская-школа И.В. Жолтовского была принята в состав АПУ города Москвы «в качестве отдельной, состоящей на государственном бюджете учебно-проектной организации 1-й группы» [12]. Г.А. Захаров смог вернуться в систему проектных организаций Моссовета также в 1951 году, став руководителем мастерской № 5 Моспроекта.

Л.М. Поляков, возглавивший в 1951 году мастерскую № 10 Моспроекта, стал магистральным архитектором, в зону ответственности которого входила и Октябрьская площадь. Комитет по делам архитектуры обязывал согласовывать все проекты: «Обязать авторов проекта целесообразность изменений красных линий застройки Калужской площади и выдвижение за красные линии в пределах 3-5 метров дома Министерства Нефтяной промышленности СССР, согласовать с магистральным архит., дейст. чл. Акад. Архит. Поляковым Л.М. и Институтом Генплана»²².

После проведенного в 1950–1951 годах конкурса, на Архсовете рассматривалось проектное задание административно-жилого дома на Б. Калужской улице, 2/1 – углового здания на Октябрьской площади, примыкающего к институту «Цветметзолото» (Горному институту), в которое встраивался павильон метро. Этот объект важен тем, что задал современные габариты площади. В него встраивался наземный вестибюль станции метро «Калужская», трактованный как временный. Члены совета увязывали решение здания с планировкой площади: «*М.В. Посохин*: Это не соответствует тем требованиям, которые предъявляются в Москве к домам, стоящим на главных магистралях. *Б.М. Иофан*: У меня сомнения по поводу общего решения площади. <...> Здание не увязано с общим решением площади. <...> У меня предложение – привлечь к этой работе Полякова Л.М.»²³

Проект дома 2/1 по Б. Калужской улице (И.С. Николаев, О.К. Гурулев) был одобрен к осуществлению в июле 1953 года с рекомендациями: «Предложить застройщику тщательно проверить расположение здания на площади с учетом красных линий, движения транспорта и пешеходов, а также очередности реконструкции и дополнительно согласовать генплан с планировочной мастерской ин-та Генплана (руковод. Уллас Н.Н.)»²⁴.

Здание было достроено до 6 этажа, когда в 1956 году было принято решение о перепрофилировании его в гостиницу.

Проект реконструкции Октябрьской площади 1951–1953 годов, выполненный под руководством Л.М. Полякова, демонстрирует ансамблевую застройку с точно скомпонованным высотным зданием (рис. 22, 23а,б). В архитектурно-пластическом образе здания можно усмотреть творческий почерк автора: композиционное построение имеет общие черты с высотным зданием гостиницы «Ленинградская» на Каланчевской

²² ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 230, л. 42.

²³ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 205, л. 85–87.

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 254, л. 31.

площади, за которое Л.М. Поляков в 1949 году получил Сталинскую премию II степени (вторая премия была присуждена в 1950 году за архитектуру станции «Калужская», тогда как первой он был лишен в 1955 году).

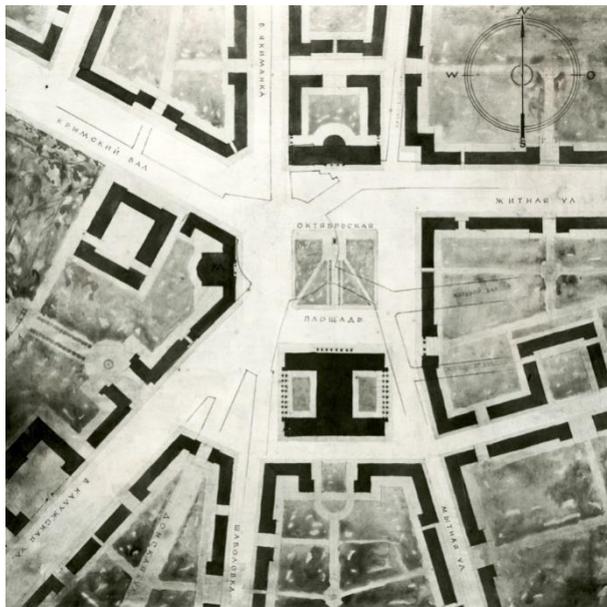


Рис. 22. 1953. Расстановка высотных зданий на Октябрьской площади. Моспроект, мастерская № 10. Рук. Л.М. Поляков



a)



б)

Рис. 23. 1953. Проект реконструкции Октябрьской площади. Моспроект, мастерская № 10. Рук. Л.М. Поляков, перспективу выполнил А.В. Ланин (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые): а) вид со стороны туннеля (вариант); б) здание, оформляющее въезд на Мытную улицу (вариант)

Л.М. Поляков получил образование в Петрограде-Ленинграде. Вместе со своими преподавателями – В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейхом, в 1933 году он был переведен в Москву на проектирование Дворца советов.

Панорама Октябрьской площади со стороны Б. Калужской улицы, выполненная под руководством Л.М. Полякова архитектором А.В. Ланиным, представляет один из вариантов решения планировочного и архитектурно-пластического образа узла сопряжения двух магистралей столицы (рис. 24). На ней изображена площадь, в аннотации к архивному материалу названная «Площадь парка им. Горького». Это рабочее название пространства, образованного треугольником Шаболовки, Донской и Б. Калужской, улиц, вливающихся единым руслом в Садовое кольцо через Октябрьскую площадь. Треугольник площади парка им. Горького виден на генплане Октябрьской площади, выполненном Моспроектom в 1957 году. В Генплане реконструкции Москвы такой площади еще не было, но выход зеленого пространства ЦПКиО им. Горького на Б. Калужскую улицу предусматривался.



Рис. 24. 1953. Проект реконструкции Б. Калужской улицы. Моспроект, мастерская № 10. Рук. Л.М. Поляков, арх. Е.П. Вулых, А.З. Даниляк, В.В. Пелевин, И.С. Самойлова, Н.Н. Уллас А.А. Сорокин и др. Перспективу выполнил соавтор арх. А.В. Ланин (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые)

При рассмотрении в декабре 1953 года на Архитектурно-строительном совете эскизного проекта планировки и застройки магистрали Б. Калужская, Фрунзенская и Саввинская набережные, в протокол было записано: «Решение промежуточной площади на пересечении Б. Калужской улицы с проектируемым 3-м кольцом нуждается в доработке. Кроме того, вызывает сомнение решение въезда на эту площадь со стороны моста через Москву-реку»²⁵.

Не были одобрены доминанты на площадях: «Размещение высотных акцентов примерно равной высоты и объема на Добрынинской площади (мастерская № 5) и на соседней с ней Октябрьской площади (мастерская № 10) в общем градостроительном плане является малооправданным. Особенно спорным является размещение высотного объема на Октябрьской площади, хотя оно замыкает перспективу большого отрезка Садового кольца»²⁶.

Главное здание Октябрьской площади на этой панораме расположено на северной стороне, что дает возможность максимального выявления светотенью пластики фасада. Пропилеи площади парка им. Горького образованы двумя 20-этажными башнями. Здание будущей гостиницы «Варшава» имеет ступенчатое, двухчастное по вертикали членение, от чего впоследствии откажутся. В центре сквера Октябрьской площади возвышается стела с рострами. В перспективе видны купола храма. На этом месте стояла церковь Казанской иконы Божьей Матери у Калужских ворот (снесена в 1972 году перед приездом в Москву Р. Никсона). Изображение храма достаточно условное – сходство с натурой просматривается только у колокольни.

После смены власти в СССР в 1953 году произошел коренной перелом в государственной градостроительной политике. Всесоюзное совещание строителей 1954 года наметило курс на массовое индустриальное жилищное строительство. В 1955 году Академия

²⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 254, л. 210.

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-534, оп. 1, д. 254, л. 211.

архитектуры СССР была преобразована в Академию строительства и архитектуры. Произошла смена главных архитекторов Москвы. В ноябре 1955 года вышло постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В декабре 1955 года Всесоюзный съезд архитекторов продемонстрировал приверженность лидеров советского зодчества поточно-сборному домостроению [1, С.153].

Л.М. Поляков в 1955 году был освобожден от работы в Моспроекте и лишен премии, присужденной за проект гостиницы «Ленинградская». Не лишним будет отметить, что он одновременно работал в трех организациях: руководителем магистральной мастерской № 10 Моспроекта, главным архитектором Гидропроекта и Военморпроекта-2. И, хотя организации были разными, сотрудники Л.М. Полякова, независимо от кадровой принадлежности, работали как один творческий коллектив.

Проект застройки площади, заверченный в 1957 году, еще сохранял ансамблевую композицию, определенную стратегией Генплана реконструкции Москвы 1935 года (рис. 25). После этого момента планирование Октябрьской площади отвернулось от советских неоклассических ансамблей и перешло к приемам модернизма.

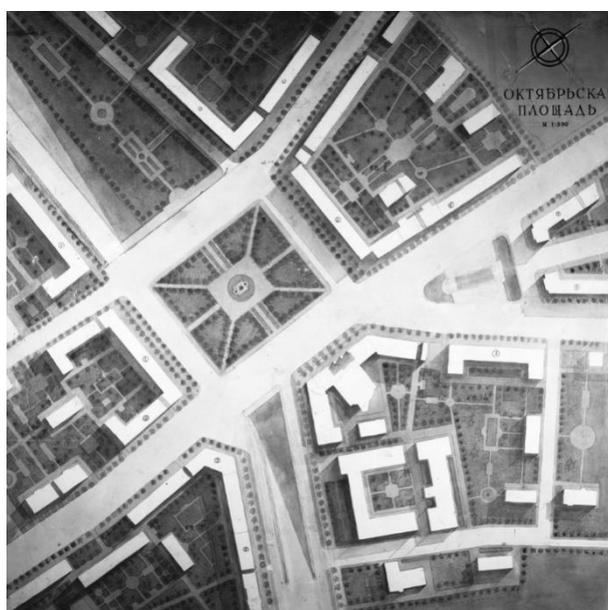


Рис. 25. 1957. Проект застройки Октябрьской площади. Генплан в масштабе 1:500. Моспроект (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые)

Первичность художественного образа и определенная условность изображения в многочисленных проектных панорамах и перспективах конца 1930-х – начала 1950-х годов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, высшие учебные заведения – и дореволюционные, и ВХУТЕМАС, выпускали архитекторов-художников. Во-вторых, «десант» архитекторов, переведенных на работу в Москву в 1930-х годах из Ленинграда, был воспитан в традициях петербургской Академии художеств. Перспективы не выстраивались по законам начертательной геометрии, а рисовались, точки схода определялись достаточно произвольно, фокус композиции смещался к фасаду наиболее важного объекта. Ради изображения героического масштаба не соблюдались размеры стаффажа – фигуры на первом плане были крупнее (перспективы Октябрьской площади и Б. Калужской улицы нарисованы выпускником архитектурного факультета ленинградской Академии художеств А.В. Ланиным, приглашенным на работу в мастерскую № 10 Моспроекта Л.М. Поляковым и проработавшим в ней полтора года). В-третьих, целью экспозиции становилось не только моделирование вариантов планировочных и объемно-пространственных композиций, а, в первую очередь, эстетическое воздействие на партийных и государственных лидеров, принимавших управленческие решения.

Итак, отсутствие однозначности в оценке архитектуры советского периода на фоне происходящих в обществе процессов, приводящих к изменению социально-экономических формаций и переходам к различным фазам внутри них, не позволяет дать периоду объективную оценку. Зачастую в массовом сознании в отношении советской архитектуры используются поверхностные, упрощенные схемы, способствующие манипуляциям при формировании образа зодчества 1920–1980-х. В еще большей степени этот лозунговый, схематический подход умело используется чиновниками 2010-х в отношении архитектурного цеха и его деятельности в 1990–2000-х. Это, в свою очередь, не дает возможности отойти от сложившихся, зачастую навязанных, стереотипов в оценках деятельности зодчих, стоявших во главе проектирования и строительства столицы, находившихся под большим давлением руководителей советского и постсоветского государства и города Москвы.

Источники иллюстраций

Рис. 1. Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье / Г.И. Мехова, М.И. Домшлак, Е.В. Трубецкая, П.Б. Розентуллер и др. – Москва: Искусство, 1994. – 320 с. – С. 29.

Рис. 2. 1806. Чертеж Калужской площади // Retromap. – URL:

http://www.retromap.ru/show_pid.php?pid=g1149

Рис. 3. По материалам коллекции А.В. Щусева.

Рис. 4. Генеральный план реконструкции города Москвы / Отв. за выпуск Я.С. Цванкин. – Москва: Московский рабочий, 1936. – (Постановления и материалы). – 164 с. – вкл.

Рис. 5, 6. Королев В.Г., Нелидов И.А. О развитии городского транспорта // Строительство Москвы. – 1940. – № 18. – С. 23.

Рис. 7, 8. По материалам коллекции А.В. Щусева (публикуется впервые).

Рис. 9. ГНИМА им. А.В. Щусева. Колл. Plа, негатив 7702 (публикуется впервые).

Рис. 10. ГНИМА им. А.В. Щусева. Колл. Plа, негатив 7701 (публикуется впервые).

Рис. 11. Каценбоген С. Добрынинская площадь // Строительство Москвы. – 1937. – № 7. – С. 21.

Рис. 12. Манкевич, Ясенев, Горохова О.Н. Площадь Саратовского вокзала // Строительство Москвы. – 1937. – №7. – С.18.

Рис. 13. Tyranei des Schönen. Architektur der Stalin-Zeit. München – N.-Y., Prestel-Verlag, 1994. – 256 p. – P. 144.

Рис. 14. Броницкая Н.Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1933-1941 гг. – Москва: Искусство-XXI век, 2015. – 344 с. – С. 192.

Рис. 15. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. Plа, нег. 5909/11 (публикуется впервые).

Рис. 16. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. Plа, нег. 5909/2, 5909/3 (публикуется впервые).

Рис. 17. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. Plа, нег. 5910/1 (публикуется впервые).

Рис. 18. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. Plа, нег. 5910/2 (публикуется впервые).

Рис. 19. Кусаков В. Садовое кольцо // Архитектура и строительство Москвы. – 1940. – № 4. – С. 52.

Рис. 20. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. XI, нег. 11822.

Рис. 21. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. XI, нег. 11823.

Рис. 22. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. ИГ, нег. 7759.

Рис. 23. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. XI, нег. 13442, 13443 (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые).

Рис. 24. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. XI, нег. 13445 (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые).

Рис. 25. ГНИМА им. А.В. Щусева, колл. XI, нег. 20622 (по данным ГНИМА им. А.В. Щусева публикуется впервые).

Литература

1. Ткаченко С.Б. Один век московского градостроительства. Книга первая. Москва советская. – Москва: Прогресс-Традиция, 2020. – 376 с.

2. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. В 2-х т. Под общ. ред. М.Г. Бархина [и др.] Т. 1. – Москва, 1975. – 584 с.
3. Посохин М.В. Дороги жизни: из записок архитектора. – Москва: Стройиздат, 1995. – 256 с.
4. Рыков А.В. Москва слезам не верит. Русский авангард как эстетика войны // Временник Зубовского института. – 2015. – №1(14)/2015. – С. 104–112.
5. Бандарин Ф., ван Оерс Р. Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма / пер. с англ. М. Игнатьева, Н. Стругова. – Казань: «Отечество», 2013. – 230 с.
6. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т.1. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.
7. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. – Москва: Моск. рабочий, 1984. – 222 с.
8. Генеральный план реконструкции города Москвы / Отв. за выпуск Я.С. Цванкин. – Москва: Московский рабочий, 1936. – (Постановления и материалы). – 164 с.
9. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. – Москва: Художественная литература, 1967. – 616 с.
10. Святославский А.В. Понятие «советский» как культурный идентификатор и идеологический маркер // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной – Москва: Аквилон, 2017. – 400 с.
11. Андреев Д. Пространство памяти: великая победа и власть / Д. Андреев, Г. Бордюгов // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. – Москва: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2005. – С. 125.
12. Шурыгина О.С. Сталинские премии архитектора И.В. Жолтовского (1940–1953) // Российская история. – 2020. – № 1. – С. 132–142.

References

1. Tkachenko S.B. *Odin vek moskovskogo gradostroitel'stva. V 2 t. Kniga pervaya. Moskva sovetskaya* [A century of urban development of Moscow. In 2 v. Book one. Moscow Soviet]. Moscow, Progress-Tradition, 2019, 376 p.
2. *Mastera sovetskoj arhitektury ob arhitekture. Izbr. otrivki iz pisem, statej, vystuplenij i traktatov* [Masters of Soviet architecture about architecture. Elected. excerpts from letters, articles, speeches, and treatises. In 2 vol. M.G. Barkhin]. Moscow, 1975, 584 p.
3. Posohin M.V. *Dorogi zhizni: iz zapisok arhitekтора* [Roads of life: from the architect's notes]. Moscow, 1995, 256 p.
4. Rykov A.V. *Moskva slezam ne verit. Russkij avangard kak estetika vojny* [Moscow doesn't believe in tears. Russian avant-garde as aesthetics of war. Vremennik Zubovskogo instituta]. 2015, no1 (14)/2015, pp. 104–112.
5. Bandarin F., van Oers R. *Istoricheskij gorodskoj landshaft. Upravlenie naslediem v epohu urbanizma* [Historic urban landscape. Heritage management in the age of urbanism].

Kazan, «Fatherland», 2013, 230 p.

6. Ikonnikov A.V. *Arhitektura XX veka. Utopii i real'nost'* [Architecture of the twentieth century. Utopias and reality. Vol.I]. Moscow, Progress-Tradition, 2001, 656 p.
7. Ikonnikov A.V. *Arhitektura Moskvy. XX vek* [Architecture of Moscow. The twentieth century]. Moscow, Moscow worker, 1984, 222 p.
8. *General'nyj plan rekonstrukcii goroda Moskvy* [General plan for reconstruction of the city of Moscow. Rel. for the issue of Ya.S. Tsvankin]. Moscow, Moscow worker, 1936, 164 p.
9. Erenburg I.G. *Lyudi, gody, zhizn'* [People, years, life. Vol. 8]. Moscow, Fiction, 1967, 616 p.
10. Svyatoslavskij A.V. *Ponyatie «sovetskij» kak kul'turnyj identifikator i ideologicheskij marker* [The concept of "Soviet" as a cultural identifier and ideological marker. An event in history, memory and identity narratives. An event in history, memory, and identity narratives. Ed. L.P. Repina]. Moscow, Aquilon, 2017, 400 p.
11. Andreev D., Bordyugov G. *Prostranstvo pamyati: velikaya pobeda i vlast'. 60-letie okonchaniya Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj: pobediteli i pobezhdennye v kontekste politiki, mifologii i pamyati* [Memory space: great victory and power. 60th anniversary of the end of World War II and the Great Patriotic War: winners and losers in the context of politics, mythology and memory]. Moscow, Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XXI, 2005, p. 125.
12. SHurygina O.S. *Stalinskie premii arhitekтора I.V. Zholtovskogo (1940–1953)* [Stalin prize of the architect I.V. Zholtovsky (1940-1953). Russian history]. 2020, no 1, pp. 132–142.

ОБ АВТОРЕ

Ткаченко Сергей Борисович

Академик Российской Академии Художеств, кандидат архитектуры, профессор кафедры Градостроительства, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: sbt.arch@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Tkachenko Sergei

Academician of the Russian Academy of Arts, candidate of architecture, Professor of the Department of Urban Planning, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: sbt.arch@gmail.com